

УДК 81'28:81'37

НАИМЕНОВАНИЯ ЧАСТЕЙ РАСТЕНИЙ КАК МОТИВАЦИОННАЯ БАЗА ДЛЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА В РУССКИХ ГОВОРАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ (ПО ДАННЫМ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ РЕГИОНА)

Мария Андреевна Гранова

к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614000, Россия, Пермь, Букирева, 15. marjanaandreeva@mail.ru

Рассматриваются функционирующие в русских говорах Пермского края обозначения человека, производные от партитивных фитонимов. Цель исследования – выявление признаков частей растений, которые лежат в основе переноса номинации с растения на человека. Установлено, что это могут быть как объективные признаки частей растений (форма, высота, толщина, твердость/мягкость, положение в морфологической структуре растения, положение в пространстве, цвет, вкус, время появления/созревания плода, хозяйственная ценность части растения), так и культурные. Выявленные мотивационные модели являются типичными для русских говоров в целом и в некоторой степени – для литературного языка, что подтверждает универсальный характер «растительной» метафоры.

Ключевые слова: этноботаника; партитивный фитоним; мотивационная модель ‘часть растения’ → ‘человек’; русские говоры Пермского края.

Введение

Растения являются неотъемлемой частью действительности, окружающей человека, и издревле играют значимую роль в жизни людей, особенно жителей сельской местности: растения составляют основу питания человека, используются для постройки жилья, для лечения болезней и т. д., получают символическое осмысление в духовной культуре, поэтому народная фитонимия составляет «одну из древнейших лексических микросистем, в которой закреплен опыт практического и культурно-мифологического освоения мира растений как части окружающей человека природы» [Коновалова 2000: 4]. При этом фитонимы получили различные культурные коннотации и сформировали множество семантических связей с единицами других лексических групп.

Одной из таких групп являются обозначения человека. Семантико-мотивационная модель ‘растение’ → ‘человек’, наряду с другими типами метафор (‘животное’ → ‘человек’, ‘предмет’ → ‘человек’ и т. д.), входит в число регулярных семантических переносов как в литературном языке, так и в говорах. Отметим, что изучение «растительных» метафор, описывающих внешность, характер, способности и поведение человека, се-

годня ведется очень активно. Так, существуют работы, выполненные на материале русского литературного языка в сопоставлении с лексикой других языков – славянских (см., например: [Ковзеле, Королёва 2016; Маркова 2018]) и неславянских (см., например, [Мусаева 2005]).

Однако больший интерес для анализа при изучении «растительной» метафоры, на наш взгляд, представляет именно диалектный материал, поскольку «диалектная категоризация мира отличается от литературной. Диалекты имеют свой взгляд на окружающий мир, в них ярко выражена зависимость от внешних условий, близость к натуральному хозяйству, исконным занятиям крестьянина, <...> антропоцентризм и субъективизм» [Вендина 2010: 31].

Отметим, что исследование отфитонимных обозначений человека – его внешности, внутренних качеств, поведения – ранее проводилось на общеславянском материале с обращением к данным как славянских литературных языков, так и говоров различных регионов России (см., например: [Акимова, Мочалова 2014; Бахвалова 1996; Толстая 2008; Карпун 2017; Колосько 2010; Леонтьева 2006; Урманчеева 2013 и др.]). В русских говорах Пермского края перенос по модели

**Гранова М.А. НАИМЕНОВАНИЯ ЧАСТЕЙ РАСТЕНИЙ КАК МОТИВАЦИОННАЯ БАЗА
ДЛЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА
В РУССКИХ ГОВОРАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ (ПО ДАННЫМ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ РЕГИОНА)**

‘растение’ → ‘человек’ изучался в основном на материале антропонимов [Боброва 2021; 2022] и фразеологизмов сравнения [Бакланова 2011].

Материал и методы исследования

В настоящей работе объектом анализа являются функционирующие в русских говорах края номинации и устойчивые сочетания, обозначающие человека по различным признакам (внешнему облику, чертам характера, особенностям поведения, месту жительства и др.) и включающие в свой состав названия различных частей растений (партитивные фитонимы). Источниками материала для исследования послужили диалектные словари Пермского края (СПГ; СРГСПК; СРГЮП; ФСПГ).

Цель настоящего исследования заключается в выявлении признаков частей растений, которые лежат в основе переноса номинации с растения на человека в пермских говорах. «Механизм метафорического переноса “растение – человек” основан на выявлении у растения качеств или свойств, присущих, с точки зрения говорящего, и человеку. Отбор этих свойств представителями различных этнических культур осуществляется по-разному» [Карпун 2017: 222].

Анализ словарных данных показывает, что в качестве мотивационной базы для обозначений человека могут выступать названия корня растений, стебля/ствола и его частей, ветвей, коры, листьев, цветков, плодов и семян. Рассмотрим подробнее единицы каждой группы.

1. Единицы, мотивированные лексемой *корень*

В этой группе имеется несколько подгрупп. Единицы первой группы характеризуют человека по его семейным/дружеским связям: *от чьих-либо корней* ‘какого-л. рода’, *кореннойой* ‘потомственный’ (СРГЮП 1: 412); *кореннойой* ‘родной по крови’, ‘связанный с кем-то большой дружбой, любовью’ (СПГ 1: 417):

От корней вот тех. От его родителей как (Воскресенское Уинск.) (СРГЮП 1: 412);

Егорко кореннойой пчеловод, у его родители всегда держали пчёл (Воскресенское Уинск.) (СРГЮП 1: 412);

Витя-то не кореннойой мне внучек, сын-от с ребенком уж взял Валу (Таман Усол.) (СПГ 1: 417);

Шибко коренные подружки были, ходили вместе (Останино Сол.) (СПГ 1: 417).

Представляется, что подобные единицы отражают представление о *корне* растения как о его начале, о том, из чего оно развивается (ср.: само слово *корень* *когень восходит к и.-е. *kuer < ‘закладывать основу, основание’ [ЭССЯ 1984: 65]). «Источником» человека, его корнями, является семья, в которой он родился.

Представление о корне как об «источнике», основе растения также прослеживается в обозначениях человека по месту жительства, зафиксированных в пермских говорах: *корнила* ‘коренной житель или земляк’ (СПГ 1: 418), *коренник* ‘коренной житель’ (СРГЮП 1: 411):

Вчера приехал корнила наш, Васька (Орёл Усол.) (СПГ 1: 418);

Егор – коренник, родился в Грибанах, тут и живёт (Воскресенское Уинск.) (СРГЮП 1: 411).

Единица *корень* также мотивирует в пермских говорах обозначения человека по его физическим качествам: *коренёлый* ‘крепкий’:

Старый-то чё: это уж он как коренёлой, дак он выносит. А молодые нонче не выносят такой натиск (Посад Киш.) (СРГЮП 1: 411).

Подобный перенос становится возможным, поскольку *корень* – это орган, который накапливает в себе все полезные вещества и питает растение, а также закрепляет и удерживает растение в почве, обеспечивая его устойчивость (ср. [Тимонин 2016: электр. ресурс]).

Отметим, что в пермских говорах обозначения человека, образованные от лексики *корень*, могут указывать не только на физическое здоровье, но и на развитые интеллектуальные способности и трудовые навыки, например: *корнила* ‘мастер в каком-л. деле, мастак’:

О, да он корнила в садоводстве (Орёл Усол.) (СПГ 1: 418).

2. Единицы, мотивированные названиями ствола/стебля растения и их частей

Отметим, что в этом случае «растительная» метафора пересекается с «предметной», поскольку большинство мотивирующих единиц, которые будут рассмотрены ниже (названия бревна, палки, обрубка дерева), могут быть отнесены и к партитивным фитонимам, и к обозначениям предметов. В рамках настоящей работы они анализируются как номинации частей растений.

Как показывают данные пермских словарей, названия ствола/стебля растения и их частей могут маркировать, во-первых, различные физические признаки человека: *ёлтыш* ‘о ком-л. невысоком и полном’ ← *ёлтыш* ‘короткий, толстый, нерасколотый обрубок дерева’ (СПГ 1: 247); *как чурка* ‘крепкий, плотный’ (ФСПГ: 420), *баклан* ‘о толстом, крупном человеке’ (СРГЮП 1: 37) ← *баклан* ‘короткий толстый обрубок дерева’ (СРГСПК 1: 48); *тёло на бадогё натянута* ‘о тощем, худом’ (СПГ 1: 576); *долгий стёбель* ‘о человеке высокого роста’ (ФСПГ: 359); *кривая балана* ‘одноглазый человек’ (ФСПГ: 16) ← *балан* ‘бревно’ (СРГСПК 1: 51):

**Гранова М.А. НАИМЕНОВАНИЯ ЧАСТЕЙ РАСТЕНИЙ КАК МОТИВАЦИОННАЯ БАЗА
ДЛЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА
В РУССКИХ ГОВОРАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ (ПО ДАННЫМ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ РЕГИОНА)**

Ёлтыш – это толстой да коротенькой, Иван-от (Таман Усол.) (СПГ 1: 247);

Оне были как *чурки*, толстыё, здоровыё, такыё мякынькыё были девки (Гостик Сол.) (ФСПГ: 420);

Баклан ходит – беда толстый (Осинцево Сукс.) (СРГЮП 1: 37);

У ее тело на *бадоге натянуто*, ребра выступают (Усть-Гаревая Добр.) (СПГ 1: 576);

Вот идёт-де *долгой стебель*; больше-то его нет в деревне (Тюлькино Сол.) (ФСПГ: 359);

Я *вышибла* глаз-то: дрова колола да поленом и *вышибла*; хорошо хоть *глаз-то* не закрылся, а то *кривая балана* была бы (В. Мошево Сол.) (ФСПГ: 16).

Как видно из приведенных контекстов, мотивирующими в этом случае выступают признаки формы и толщины части растения. Так, названия толстых и коротких частей ствола мотивируют обозначения полного человека низкого роста, а названия длинных и тонких частей растений – обозначения высокого и худого человека; партитивные фитонимы, указывающие на аномалии в строении растений, используются для обозначения человека, имеющего физические недостатки.

Во-вторых, названия частей ствола могут указывать на интеллект человека и некоторые особенности его характера: как *чурка с глазами* ‘несообразительный, бестолковый; необщительный’:

Вот и сидит как *чурка с глазами*, не песен не ба-сен (Б. Уса Куед.) (ФСПГ: 420).

Мотивационными признаками в данном случае являются твердость дерева (мотивационные модели следующие: ‘твердая часть растения’ → ‘твердолобый, глупый человек’, ‘твердая часть растения’ → ‘бесчувственный, необщительный, закрытый человек’), а также мотив необработанности древесины, который в народном сознании связывается с необразованностью человека.

В-третьих, различные названия бревна в пермских говорах мотивируют обозначения неподвижно лежащего человека или лентяя: *баклан* ‘о неподвижном’ (СРГЮП 1: 37), ‘лентяй’ (СРГСПК 1: 48):

Первый муж восемь лет *бакланом* лежал, а потом умер (Змеёвка Кунг.) (СРГЮП 1: 37);

Баклан – ленивый человек (Покча Черд.) (СРГСПК 1: 48);

Бакланиха! На работу лень идти (Покча Черд.) (СРГСПК 1: 48).

Мотивационным признаком в рассматриваемых случаях является положение части растения в пространстве: горизонтально лежащее на земле бревно становится метафорой неподвижности и бездействия.

В-четвертых, номинация части ствола дерева может обозначать одинокого человека: как *пень берёзовый один* (одна) кто-л. ‘о полном одиночестве’:

Как *пень берёзовой одна* осталася, и делать-то уж ничё не могу (Рябки Чернуш.) (СРГЮП 2: 298).

Идея одиночества, «отдельности» человека здесь также передается при помощи пространственного положения *пня*, который имеет признак ‘(одиноко) торчащий из земли, выделяющийся на общем фоне’. С другой стороны, мотивирующим в данном случае может выступать признак «остаточности», «неполноценности» *пня*, т. к. это дерево, оставшееся без ствола и вершины.

К последней подгруппе обозначений человека, мотивированных названиями частей ствола/стебля, отнесем следующие единицы, характеризующие человека по социальным/семейным отношениям: *соломенная вдовуха*. ‘женщина, не живущая с мужем’ (ФСПГ: 40), *соломенный вдовой* ‘мужчина, брошенный женой’ (СРГСПК 1: 195); *лишнее бревно* ‘посторонний человек’ (ФСПГ: 32):

Я *соломенной вдовухой* лет пять жила; мужик уехал в город, а я хозяйство не хочу бросать, не еду к ему (Осокино Сол.) (ФСПГ: 40–41);

Соломенный вдовой мужчину, брошенного женой [называют] (Вёлгур Краснов.) (СРГСПК 1: 195);

Да я, девка, тут *лишно бревно*, скоро пойду, мне скоро срок выйдет: старик до девяти часов отпустил (Губдор Краснов.) (ФСПГ: 32).

Мотивировка первых двух единиц связана с тем, что в народной культуре *солома* часто осмысливается как нечто, не имеющее хозяйственной ценности, мусор, отходы, а далее – как нечто ненастоящее (соломенная вдова – ненастоящая вдова, соломенный вдовой – ненастоящий вдовец, поскольку их супруги живы). Бревно, не использованное в хозяйстве, также осмысливается как мусор или отходы, т. е. нечто ненужное, следовательно, при метафорическом переносе получает значение ‘посторонний человек, тот, кто не нужен’.

3. Единицы, мотивированные названиями ветвей

Рассмотрим обозначения человека, образованные от названий ветвей: как *богданна веточка* ‘одинокый’ (СПГ 1: 92); как *мятая ви́чка* ‘послушный, сговорчивый’ (ФСПГ: 51) ← *ви́чка* – уменьш.-ласк. к *ви́ца* ‘тонкая, гибкая ветка, как с листьями, так и без листьев’ (СПГ 1: 105):

И осталась я как *богданна веточка* (Заполье Краснов.) (СПГ 1: 92);

Он ведь как *мятая ви́чка*: куда пошлешь, туда и идёт, всё делает (Ракино Черд.) (ФСПГ: 51).

Представляется, что в первом случае главным мотивировочным признаком является характеристика 'отходящий от ствола, отдельный от него'; в качестве дополнительных мотивационных признаков можно указать тонкость, хрупкость ветки, что передается уменьшительным суффиксом -к-. В основе второй единицы, обозначающей послушного человека, лежат способность ветки гнуться и признак тонкости (что также передается суффиксом -к-), что указывает на слабость характера человека.

4. Единицы, мотивированные названиями коры и других видов внешнего покрова растений и их частей

В качестве мотиватора для единиц этой группы может выступать, во-первых, слово *береста* со значением 'наружная часть коры березы, состоящая из легко отделяемых друг от друга тонких полупрозрачных гладких слоев разного цвета – от белого <...> до почти черного' [Береста 2016: электр. ресурс]. Указанная лексема служит основой для сочетаний, характеризующих человека по интеллектуальным способностям и по особенностям поведения: *берещенная голова* 'о человеке, которому недостает находчивости, сообразительности' (СПГ 1: 173); *хайло берещенное* 'о человеке, который может долго и громко говорить, кричать' (СПГ 2: 494):

Да чё же ты сразу-то не пошёл, берещеная ты голова! (Мусонькино Караг.) (СПГ 1: 173);

Хайло-то берещенное, дак орёт ночь на ночь (Лямкино Караг.) (СПГ 2: 494).

Отметим, что указанные сочетания включают прилагательное *берещенный*, которое в пермских говорах имеет значение 'сделанный из бересты' (СПГ 1: 35). Таким образом, сочетание *берещенная голова* – еще один случай «деревянной метафоры», обозначающей глупого человека: недостаток отсутствие ума в данном случае передается с помощью образа тонкой и легкой части древесины (ср. определение выше: береста состоит из легко отделяемых друг от друга тонких полупрозрачных гладких слоев). В основе единицы *хайло берещенное*, на наш взгляд, лежит признак твердости бересты как части дерева: она выступает в роли «защитного покрытия» для горла человека, что позволяет ему долго кричать.

Мотиватором для обозначений человека в пермских говорах могут быть названия коры не только березы, но и других деревьев. Так, словарями отмечена единица *лубяночка* 'светловолосая девушка':

Ту девчоночку все лубяночкой звали, волоса у ней шибко белёсые были (Фоки Чайк.) (СПГ 1: 491).

Номинация образована от слова *луб*, которое в говорах края имеет совпадающее с литературным значение 'кора липы' (СРГЮП 2: 38) (ср. [БАСРЯ 2007: 322]). Мотивирующим признаком выступает цвет коры: ее внутренний слой, который широко используется в народных промыслах, имеет белый или светло-желтый оттенок (см. об этом в [Чернева 2010: электр. ресурс]).

Пермскими словарями отмечена также единица *из-под мялки костіца* 'о девушке, лишенной девственности':

У меня брат из-под мялки костіцу в жены взял (Нердва Караг.) (СПГ 1: 425).

Сочетание мотивировано диалектной номинацией *костіца* со значением 'жесткий покров стеблей льна, превращающийся в отходы при трепании' (СПГ 1: 425). Таким образом, мотивировочный признак здесь – непригодность для использования в хозяйстве. Мотивационную модель можно выстроить следующим образом: 'жесткий покров стеблей льна, превращающийся в отходы при трепании' → 'что-л. отработанное, использованное, потерявшее поэтому свою ценность и превратившееся в мусор, отходы' → 'девушка, лишенная девственности, как непригодная для создания семьи'.

Номинации человека в пермских говорах могут быть мотивированы обозначением оболочки семян и плодов. Так, имеем единицу *закожурник* 'замкнутый, необщительный, скрытный человек':

У нас его все как закожурника знают, он ни с кем не зная (Фоки Чайк.) (СРГЮП 1: 303).

Единица образована от слова *кожура*; мотивирующими признаками в данном случае являются замкнутость оболочки и ее функция – защищать плод от воздействия внешней среды.

5. Единицы, мотивированные лексемой *лист*

Обозначения человека, возникшие на базе названий листьев в пермских говорах не частотны. В проанализированных материалах встретилась всего одна такая единица: *как лист с травой кто-л. с кем-л.* 'о неразлучных друзьях':

Я от тебя и не выхожу, мы с тобой как лист с травой (Тюинск Окт.) (СРГЮП 2: 27).

Это сочетание, обозначая друзей, передает идею их общности, схожести, что обеспечивается общими признаками *листа* и *травы*: во-первых, это зеленый цвет, во-вторых, мягкость (в сравнении, например, со стволом), в-третьих, плоская форма (ср. определения *листа* и *травы* в литературном языке: лист – «тонкая зеленая пластинка различной формы на черенке (орган воздушного питания и газообмена у растения)» [МАС 1986: 187]; трава – «растение с однолетними зелеными не

подвергающимися одревенению мягкими побегами» [МАС 1988: 393]).

6. Единицы, мотивированные лексемой *цветок*

В пермских словарях нам встретилась всего одна такая единица: *цветок цветком* ‘о красивом’:

*Чё-то вытл, и вредно ему родилось, захворал. Ох, какой красивый парень, **цветок цветком**...* (Володино Сол.) (СПГ 2: 295).

Отметим, что использование образа цветка для обозначения физической красоты, привлекательной внешности человека типично для русских диалектов в целом и для фольклорной традиции (ср., например, данные А.М. Летовой [Летова 2012]); при этом к мотивировочным признакам можно отнести форму растения (цветок – часть растения, которая «обычно имеет вид венчика из лепестков, окружающих пестик с тычинками» [МАС 1988: 635]), яркий цвет и аромат, которые обычно свойственны бутону.

7. Единицы, мотивированные названиями плодов и семян растений

Наконец, рассмотрим обозначения человека, восходящие к названиям плодов растения.

Во-первых, от этих фитонимов образуются номинации людей, которые выращивают и употребляют эти плоды в пищу: *морковник* ‘прозвище жителей п. Орёл’ (СПГ 1: 523); *капустник* ‘о любителе капусты’ (СРГЮП 1: 371); *на картошке замёшан* ‘о тех, для кого картофель основной продукт питания’ (СРГЮП 1: 308):

Морковниками здесь людей зовут – раньше в Орле морковь хорошо росла (Орёл Усол.) (СПГ 1: 523);

*А вот мы **капустники**, я без капусты не могу* (Ананьино Чернуш.) (СРГЮП 1: 371);

*Картошка у нас – первый хлеб, **на картошке замешаны**, на картошке умирать будем* (Комарово Чернуш.) (СРГЮП 1: 308).

Мотивационную модель здесь можно представить так: ‘плод’ → ‘человек, употребляющий этот плод в пищу’. Таким образом, рассмотренные обозначения указывают на рацион питания жителей края.

Во-вторых, как указывает С.М. Толстая, «вегетативная метафора может распространяться на весь жизненный путь человека (ср. такие рус. литер. выражения, как расцвет, увядание, созревание)» [Толстая 2008: 125]. Так, в пермских говорах находим образованные от названий плодов обозначения человека, указывающие на этапы его жизни и физического развития: *поздня картошка* ‘о родившемся в конце осени’ (СРГЮП 1: 374); *скороспёшка* ‘о человеке, слишком рано развив-

шемся’ (← *скороспёшка* ‘скороспелый плод’) (СРГЮП 3: 121):

*Я октябрьская, дак меня отец **поздней картошкой** звал* (Фоки Чайк.) (СРГЮП 1: 374);

*Маша соспотила всё узнает про друга-то своёва, а эти **скороспешки-то**... Куды торопятся?* (Трушники Чернуш.) (СРГЮП 3: 121–122).

Мотивационным признаком в данном случае служит время созревания плодов.

В-третьих, названия плодов лежат в основе обозначения большого скопления людей: *пленица* ‘о большом количестве народа в очереди’ ← *пленица* ‘сплетённые в косу лук, чеснок или гроздь ягод’:

*Получку получают, дак у магазина **пленица** стоят народу* (Чёрный Яр Киш.) (СРГЮП 2: 338).

Мотивационными признаками здесь служат близкое расположение плодов друг к другу и форма плодов – все они шаровидные, что позволяет уподобить их человеческой голове (ср. в литературном языке: *головка лука, чеснока*); последняя же может метафорически замещать «всего» человека.

Признак формы плода актуализируется также и в обозначениях человека по внешнему виду: *стручок* ‘худой человек’:

*Сынишка-то у неё совсем **стручок*** (Фоки Чайк.) (СПГ 2: 411).

Перенос здесь происходит по признакам ‘вытянутый’ и ‘плоский’.

Отметим, что номинация семян гороха может мотивировать обозначения человека по характеру: *мягкий горох* ‘покладистый, уступчивый человек’:

*Вася-то ведь не **мягкий горох**, он весь в отца* (Бондюг Черд.) (ФСРГ: 89).

В основе переноса лежит признак твердости горошин.

Наконец, в пермских говорах встречаются наименования человека, образованные от названий ягод. Так, словарями отмечено выражение *пошел за малинкой, привел малинку* ‘о высватавшем невесту’:

*Говорят – **пошел за малинкой, привел малинку**. Это кто высватал, привел невесту в дом* (Молба Киш.) (СРГЮП 2: 382–383).

Здесь единица *малинка* обозначает девушку-невесту. Следует отметить, что «эта метафорическая модель основана на песенной фольклорной традиции. В обрядовых и хороводных песнях эпитетом молодой девушки, возлюбленной, милой было наименование сладкой ягоды» – малины, земляники и др. [Колосько 2010: 74–75]. Таким образом, мотивирующим признаком здесь выступает сладкий вкус ягод. Основа метафорической связи растения и человека видится в том,

что в народной культуре сладкий вкус имеет различные позитивные свойства – «приятный», «красивый», «желанный», «любимый», «добрый», «счастливый» [Седакова 2012: 33], которые ассоциируются и с женщиной [там же: 34, 38]. Кроме того, как мотивирующий признак здесь может быть рассмотрен и цвет ягод малины – красный, в народной культуре он может иметь символику жизни, плодородия, красоты, поэтому связывается с женским началом [Белова 1999: 647].

Выводы

Итак, мы рассмотрели функционирующие в русских говорах Пермского края обозначения человека, производные от партитивных фитонимов. Проведенное исследование показало, что эти лексические и фразеологические единицы могут указывать на особенности внешнего облика человека (*дóлгий стéбель* ‘о человеке высокого роста’, *кривáя баланá* ‘одноглазый человек’, *лубя́ночка* ‘светловолосая девушка’) и физического развития (*скороспéшка* ‘о человеке, слишком рано развившемся’); его интеллект (*как чурка с глазами* ‘несообразительный, бестолковый’, *берéщенная голова́* ‘о человеке, которому недостает находчивости, сообразительности’) и уровень трудовых навыков (*корни́ла* ‘мастер в каком-л. деле, мастак’); черты характера (*как мя́тая ви́чка* ‘послушный, сговорчивый’, *мя́кий горóх* ‘покладистый, уступчивый человек’, *закожу́рник* ‘замкнутый, необщительный, скрытный человек’); особенности поведения (*бакла́н* ‘лентяй’, *хайло́ берéщенное* ‘о человеке, который может долго и громко говорить, кричать’); включенность в социальные отношения (*от чьих-либо корне́й* ‘какого-л. рода’, *как пень берёзовый один (одна́) кто-л.* ‘о полном одиночестве’, *солóменная вдову́ха.* ‘женщина, не живущая с мужем’; *как лист с травой кто-л. с кем-л.* ‘о неразлучных друзьях’); место жительства (*корни́ла* ‘коренной житель или земляк’); рацион питания (*капу́стник* ‘о любителе капусты’, *на карто́шке замéшан* ‘о тех, для кого картофель основной продукт питания’).

Проведенный анализ позволил выявить признаки растений, лежащие в основе переноса партитивного фитонима на человека. Эти признаки можно разделить на две группы. Первую группу составляют характеристики, присущие частям растений объективно: форма (*стручо́к* ‘худой человек’, *плени́ца* ‘сплетённые в косу лук, чеснок или гроздь ягод’); высота и толщина (*ёлтыш* ‘о ком-л. невысоком и полном’, *дóлгий стéбель* ‘о человеке высокого роста’); твердость/мягкость, способность сгибаться (*как чурка с глазами* ‘несообразительный, бестолковый; необщительный’, *как мя́тая ви́чка* ‘послушный, сговорчи-

вый’, *хайло́ берéщенное* ‘о человеке, который может долго и громко говорить, кричать’, *мя́кий горóх* ‘покладистый, уступчивый человек’); положение в морфологической структуре растения (*от чьих-либо корне́й* ‘какого-л. рода’); положение в пространстве (*бакла́н* ‘о неподвижном’, ‘лентяй’, *как пень берёзовый один (одна́) кто-л.* ‘о полном одиночестве’); цвет (*лубя́ночка* ‘светловолосая девушка’); функция данной части растения (*корне́лый* ‘крепкий’, *закожу́рник* ‘замкнутый, необщительный, скрытный человек’); время появления / созревания плода (*пóздняя карто́шка* ‘о родившемся в конце осени’, *скороспéшка* ‘о человеке, слишком рано развившемся’); использование/неиспользование данной части растения человеком (в пищевых и хозяйственных целях) (*солóменная вдову́ха.* ‘женщина, не живущая с мужем’, *ли́шнее бревно́* ‘посторонний человек’, *из-под мя́лки костю́ца* ‘о девушке, лишенной девственности’, *капу́стник* ‘о любителе капусты’). Вторую группу мотивационных признаков составляют характеристики, приписываемые частям растений самими диалектоносителями и обусловленные ролью этих растений и их частей в традиционной культуре (отметим, что культурная семантика растений в той или иной степени основана на их объективных признаках). Так, появление в пермских говорах обозначения девушки-невесты *мали́нка* обусловлено связью ягод малины с женским началом в славянской народной традиции, что, в свою очередь, основано на символическом переосмыслении реальных свойств этой ягоды – ее цвета и вкуса.

Кроме того, проведенное исследование позволяет выявить некоторые регулярные модели семантического переноса партитивных фитонимов на человека и представления о частях растений, существующие в сознании русских жителей Пермского края. Так, *корень* растения связывается прежде всего с представлениями о семье, роде, предках, а также с физическим здоровьем, хорошими интеллектуальными и трудовыми навыками, а *цветок* – с идеей красоты и молодости, *малина* – с женским началом. Названия толстых и коротких частей растений мотивируют обозначения полного человека низкого роста, а названия длинных и тонких частей – высокого и худого человека. Номинации частей растения, имеющие какие-либо аномалии в своем строении, служат для обозначения физических недостатков человека (*кривáя баланá*). Низкий интеллект человека обозначается с помощью номинаций либо твердых и необработанных частей растения (*как чурка с глазами*), либо легких частей коры дерева (*берéщенная голова́* ‘о человеке, которому недостает

**Гранова М.А. НАИМЕНОВАНИЯ ЧАСТЕЙ РАСТЕНИЙ КАК МОТИВАЦИОННАЯ БАЗА
ДЛЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА
В РУССКИХ ГОВОРАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ (ПО ДАННЫМ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ РЕГИОНА)**

находчивости, сообразительности'). Названия бревен, лежащих на земле, в отличие от ствола дерева, стоящего вертикально, передают идею бездействия, лени. Обозначения мягких частей растения, которые можно согнуть, раздавить, передают указывают на слабый характер человека (как *мятая вичка* 'попугай, сговорчивый', *мягкий горюх* 'покладистый, уступчивый человек'). Названия частей растений, не используемых в хозяйстве, маркируют различные аномалии в социальных отношениях (*солóменная вдовуха*. 'женщина, не живущая с мужем', *солóменный вдовой* 'мужчина, брошенный женой', как *пень берёзовый один (одна) кто-л.* 'о полном одиночестве', *из-под мялки костюца* 'о девушке, лишённой девственности'). Отметим, что все эти представления типичны для носителей русских говоров (а в некоторой степени – и для носителей литературного языка). Таким образом, подтверждается универсальный характер «растительной» метафоры как способа образования оценочной лексики.

Условные сокращения названий районов Пермского края

Добр. – Добрянский;
Караг. – Карагайский;
Киш. – Кишертский;
Краснов. – Красновишерский;
Куед. – Куединский;
Кунг. – Кунгурский;
Окт. – Октябрьский;
Сол. – Соликамский;
Сукс. – Суксунский;
Уинск. – Уинский;
Усол. – Усольский;
Чайк. – Чайковский;
Черд. – Чердынский;
Чернуш. – Чернушинский.

Список источников

СПГ – Словарь пермских говоров: в 2 т. / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 2000. Т. 1. 608 с. 2002. Т. 2. 574 с.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И.И. Русинова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2011. Вып. 1. 364 с.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3-х вып. / науч. ред. И.А. Подюков; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2010. Вып. 1. 456 с. 2012. Вып. 2. 502 с. 2012. Вып. 3. 502 с.

ФСГП – Фразеологический словарь пермских говоров / К.Н. Прокошева. Пермь, 2002. 431 с.

Список литературы

Акимова Э.Н., Мочалова Т.И. Компаративные фразеологические единицы в русских говорах на

территории Республики Мордовия // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования 2014 / отв. ред. А.С. Герд. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 11–24.

Бакланова И.И. Фразеологизмы сравнения в пермских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 4(16). С. 27–31.

БАСРЯ – *Большой академический словарь русского языка* / гл. ред. К.С. Горбачевич. М.; СПб.: Наука, 2007. Т. 9. 658 с.

Бахвалова Т.В. Лексика орловских говоров, характеризующая человека по внешнему облику // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования 1994 / отв. ред. И.А. Попов; Ин-т лингвистич. исслед. РАН. СПб., 1996. С. 99–104.

Белова О.В. Красный цвет // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). С. 647–651.

Береста // Большая российская энциклопедия. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/1860086?ysclid=lorfudxzsz746982794> (дата обращения: 18.10.2023).

Боброва М.В. Фитонимическая лексика в современных прозвищах русских в Пермском крае // Филология в XXI веке. 2021. № 1(7). С. 89–94.

Боброва М.В. Флористические прозвища русских в Пермском крае: лексический и формально-грамматический аспекты // Ономастика Поволжья: матер. XX Междунар. науч. конф. / сост. и ред. Н.А. Кичикова, В.И. Супрун. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. С. 59–61.

Вендина Т.И. Русские диалекты в настоящем и будущем: социокультурный аспект // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования 2010 / Ин-т лингвистич. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2010. С. 6–38.

Карпун М.А. Элементы растительного кода, характеризующие человека, в традиционной культуре донского казачества // Acta Linguistica Petropolitana: Труды института лингвистических исследований / отв. ред. Н.Н. Казанский. 2017. Т. 13, ч. 2. С. 221–238.

Ковзеле О.Г., Королёва Е.Е. Передача здорового и болезненного состояния человека посредством растительного кода сравнений (на русском и латышском материале) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2016. Т. 2, № 3. С. 8–14.

Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000. 233 с.

**Гранова М.А. НАИМЕНОВАНИЯ ЧАСТЕЙ РАСТЕНИЙ КАК МОТИВАЦИОННАЯ БАЗА
ДЛЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА
В РУССКИХ ГОВОРАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ (ПО ДАННЫМ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ РЕГИОНА)**

Леонтьева Т.В. Интеллект человека в зеркале «растительных» метафор // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 57–77.

Летова А.М. Роль вегетативной метафоры в фольклорной языковой картине мира // Вестник Московского государственного областного университета. Русская филология. 2012. № 1. С. 58–64.

Маркова Е.М. Умный и глупый человек средствами косвенной номинации русского и чешского языков: сопоставительный аспект // Сопоставительное изучение и преподавание русского языка как иностранного: лингвистический, литературоведческий и лингводидактический аспекты / отв. ред. О.В. Шталова; Моск. гос. обл. ун-т; Карлов ун-т в Праге. М., 2018. С. 59–71.

МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1986. Т. 2. 736 с. 1988. Т. 4. 800 с.

Мусаева О.И. Флористическая метафора как фрагмент национальной картины мира: на материале русского и испанского языков: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 203 с.

Седакова И.А. Сладкий // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под

общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). С. 33–39.

Тимонин А.К. Корень // Большая российская энциклопедия. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/biology/text/2096604?ysclid=lophcukrgm879513781> (дата обращения: 18.10.2023).

Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.

Урманчеева И.С. «Деревяные» образы в экспрессивных наименованиях человека (на материале вологодских говоров) // Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира / сост., отв. ред. Т.В. Симашко. Архангельск: Соломбальская тип., 2013. С. 89–96.

Чернева О.И. Липа // Большая российская энциклопедия. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/lipa-b2a762> (дата обращения: 18.10.2023).

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачёва. М.: Наука, 1984. Вып. 11. 220 с.

**NOMINATIONS OF PLANT PARTS
AS A MOTIVATIONAL BASE FOR LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL UNITS
CHARACTERIZING A PERSON IN THE RUSSIAN DIALECTS OF THE PERM REGION
(ON THE DATA OF THE DIALECT DICTIONARIES OF THE REGION)**

Mariia A. Granova

**Associate Professor, Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University**

The article considers the designations of a person that function in Russian conversations of the Perm region, derived from partitive phytonyms. The purpose of the study is to identify characteristics of plant components that are distinguished based on the transfer of nomination from plants to humans. It has been established that these can be objective signs of plant elements (shape, height, thickness hardness/softness, position in the morphological structure of the plant, spatial position, color, taste, time of appearance / maturation of fruit, use of a part of the plant in the household), and cultural features. The revealed motivational-word-formative models are typical for Russian dialects in general and to some extent for the literary language, which confirms the universal nature of the “plant” metaphor.

Keywords: ethnobotany; partitive phytonym; motivational model ‘part of a plant’ → ‘human’; Russian dialects of the Perm region.